

осломъ животныя могутъ плодотворно случаться съ другими имъ подобными, а также съ осломъ и лошадыю и что ихъ потомство иногда, при побочномъ спариваніи съ животными вида предковъ или также при случкѣ съ третьею формою, тоже плодущи, но до сихъ поръ извѣстны лишь весьма немногіе случаи, чтобы ублюдки одинаковаго происхожденія были плодущи между собою.

Измѣненія вида зоологи называютъ разновидностью (*varietas*), а заводчики—породою, или извѣстной группой домашнихъ животныхъ, пріобрѣтшихъ, благодаря жизни при одинаковыхъ условіяхъ и одинаковыхъ требованіяхъ со стороны человѣка, однородныя характерныя особенности, стойко сохраняемыя ими до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ прилита какая-нибудь посторонняя кровь.

Мы нѣсколько подробнѣе остановились на понятіи—порода и именно потому, что у насъ въ Россіи относятся съ большимъ легкомысліемъ къ нему: у насъ склонны называть породой всякую лошадь.

Въ дикомъ состояніи породы образуются посредствомъ естественнаго подбора, въ культурномъ же состояніи это достигается человѣкомъ при помощи искусственнаго подбора. Поэтому мы различаемъ естественныя породы и искусственныя, или культурныя. Послѣднія обладаютъ цѣнными хозяйственными качествами, изъ-за которыхъ ихъ разводятъ человѣкъ.

Что касается естественныхъ породъ, то въ настоящее время онѣ почти совершенно исчезли съ лица земли; какъ на примѣръ, укажемъ на тарпана, относящагося къ естественнымъ породамъ лошадей.

Живущій съ незапамятныхъ временъ въ дикомъ состояніи тарпанъ принадлежитъ скорѣе къ числу сказочныхъ животныхъ, еще далеко не достаточно изслѣдованныхъ. Въ Западной Европѣ о немъ имѣютъ самое смутное представленіе, у насъ же въ Московскомъ зоологическомъ саду живетъ одинъ экземпляръ, доставленный туда І. Н. Шатиловымъ, но по немъ трудно судить о расовыхъ признакахъ всего вида, котораго онъ, повидимому, не вполне блестящій представитель. Въ Азіи и въ наши дни еще водится дикая лошадь, описанная въ 1881 году нашимъ зоологомъ І. С. Поляковымъ по шкурѣ и черепу, доставленнымъ въ музей Академіи Наукъ извѣстнымъ путешественникомъ Н. М. Пржевальскимъ изъ Джунгаріи. Хотя Пржевальскому и не удалось лично увидѣть дикую лошадь, но со словъ мѣстныхъ жителей и по шкурамъ и черепамъ ему удалось составить относительно полное представленіе (см. томъ I, рис. 1, стр. 3). Въ Петербургѣ, въ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ выставлено это чучело лошади Пржевальскаго, но по единичному экземпляру трудно дѣлать обобщенія, и не всѣ согласились признать въ лошади этой самостоятельный типъ; только теперь, когда въ музей Академіи поступили новыя экземпляры *equus Przewalskii* отъ гг. Грумъ-Гржимайло и Кленца, можно было убѣдиться въ постоянствѣ ихъ характерныхъ признаковъ. Г. Грумъ-Гржимайло наблюдалъ лошадей этихъ на свободѣ и далъ прекрасное описаніе своего путешествія въ Западный Китай.

На всероссийскую Нижегородскую выставку должны были прибыть из Закаспийскаго края шесть такихъ лошадей, и нечего говорить, насколько такая группа была бы интересна съ чисто научной точки зрѣнія, но, къ сожалѣнію, лошади эти пали въ пути, не перенеся тяжести неволи. Распорядитель 43-й группы на выставкѣ, гдѣ должны были выставляться лошади, пишущій эти строки, принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы сохранить ихъ шкуры и кости, чтобы предоставить въ распоряженіе музея эту безцѣнную коллекцію. Одиннадцать лѣтъ назадъ въ Россію были доставлены впервые живые экземпляры въ им. г. Фальць-Фейна и, немного спустя, были подведены Государю Императору и содержались въ придворной конюшнѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Лошадь Пржевальскаго, какъ единственная дикая лошадь, существующая въ наше время, представляетъ глубокой интересъ.

Итакъ, за исключеніемъ лошади Пржевальскаго, болѣе нѣтъ дикихъ породъ, а потому перейдемъ къ породамъ культурнымъ.

Многіе морфологическіе признаки породъ вообще не имѣютъ прямого и необходимаго существеннаго значенія для хозяйственной полезности животнаго, и потому, преслѣдуя практическія цѣли, люди ихъ игнорировали и мало-по-малу путемъ воспитанія и подбора избавлялись отъ нихъ, развивая тѣ физиологическія особенности, которыми обуславливается наибольшая продуктивность. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій наружныя формы каждой искусственной породы приняли извѣстный обликъ въ зависимости отъ требованій человѣка.

Родъ, племя, фамилія—все это обозначенія для подѣлчатковъ расы. Если подѣлчаты эти сходны во всѣхъ существенныхъ и характерныхъ свойствахъ съ главной расой, то ихъ называютъ чистыми. Въ противномъ же случаѣ они получаютъ названіе нечистыхъ или смѣшанныхъ.

О тѣхъ родахъ, которые, благодаря своему пестрому происхожденію, не обладаютъ признаками, характеризующими извѣстный типъ, говорятъ, что они беспородны и такихъ лошадей французы называютъ „*bohème chevaline*“ или чернь лошадиного рода.

Неизмѣнное появленіе однѣхъ и тѣхъ же особенностей расы послѣдовательно въ одной генерации за другой называется константностью, а съ понятіемъ породы тѣсно связано понятіе о неизмѣняемости. Прежніе изслѣдователи, какъ на примѣръ, Ветинусъ Ментцель, фонъ-Веккерлинъ и другіе утверждали, что это неощутимое свойство составляетъ прерогативу чистой, немѣшанной крови. Германъ Натузіусъ, а за нимъ и Зеттегастъ цѣлымъ рядомъ неоспоримыхъ фактовъ доказали несостоятельность этого ученія; но къ сожалѣнію, Зеттегастъ немного увлекся и это повело его къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ. вмѣсто миѣической константности крови, по его мнѣнію, наибольшую роль играетъ не менѣе миѣическая наследственная сила, которая, будучи совершенно независима отъ происхожденія, встрѣчается у отдѣльныхъ индивидуумовъ и потому названа имъ „индивидуальной потенціей“. Высказанныя Зеттегастомъ теоріи въ его извѣстной „*Tierzucht*“, казалось, вначалѣ, произведутъ цѣлый переворотъ въ